

рием. Значит, титулы *Э* не могут определить время, когда Антиох получил пост великого друнгария.

Как бы то ни было, Антиох вернулся на государственную службу к 1196 г., а может быть, даже раньше — если справедливы предложенная выше датировка и истолкование письма Димитрию Торнику. Почему же в таком случае он, ссылаясь на старость, отказался от этого, когда Исаак II предлагал ему какой-то пост? Ведь не стал же он к 1196 г. более молодым, чем в царствование Исаака II.

Разгадку этого противоречия можно было бы искать в том, что первоначально Исаак II предложил Антиоху слишком низкую должность. Можно было бы предположить (чисто гипотетически!), что должность великого друнгария виглы, которую — по крайней мере до 1176 г. — занимал Андроник Каматир, Антиох получил уже при Андронике I. Исаак II, расправляясь со сторонниками своего предшественника (в том числе с покровителем Антиоха Василием Каматиром), и Антиоха отправил в отставку. Некоторое время спустя, когда утихли первые страсти, император предложил ему другой пост, но обиженный Антиох отказался. Лишь к началу 90-х годов (по ходатайству Константина Ангела?) престарелому ритору был возвращен его прежний пост.

Григорий Антиох прожил беспокойную и трудную жизнь. Его тянуло к литературно-научной деятельности, к кружку Николая Катафлорона и Евстафия Солунского, но он покинул сладкий сад, где росли деревья познания. Обстоятельства заставили его «коммендироваться», поступить на частную службу, — но Антиох краснел со стыда и мечтал о карьере чиновника. Он был императорским секретарем и судебским и к концу жизни достиг видного положения в византийской административной машине. Антиох был гражданским чиновником в полном смысле слова: не без некоторого кокетства он называл себя книжным человеком, привыкшим пользоваться стилем и тростниковым пером вместо копья, непрочной бумагой — вместо щита и панциря. Он, оказывается, чужд воинских упражнений и настолько слаб и немощен, что ветер может унести его, словно соломинку⁴⁸.

Неустойчивым было существование византийского чиновника — и Антиох пережил подъемы и падения, ласку и немилость самодержцев. Его ораторское дарование служило ему при разных государях, при разных режимах: при воинственном Мануиле I, при Андронике I, игравшем роль народолюбца, при реставраторе Исааке II. Он умел отказываться от старых кумиров и отворачиваться от старых друзей.

Его материальное положение было столь же шатким, как и социальный статус. Угроза бедности постоянно стояла перед его глазами, гнала его от школы риторов в императорскую канцелярию, на частную службу. Главная мечта Антиоха — обеспечить жалование, достаточное для его многочисленного семейства: «*Ἀνάρχῃ πανοικισίᾳ περιποίησαι τὰ ὀψώνια*», — с такой мольбой обращается пожилой оратор даже не к реальным властям империи, а к самому Иоанну Крестителю (л. 453). Из речи в речь клянется он своей честностью и бескорыстием; он гордится неумением и нежеланием брать взятки. «Моя природа не наделена склонностью к наживе (τὸ κέρδος συλλεκτεῖν)», — заявляет он Евстафию (л. 400). И может быть, эти уверения звучат чересчур навязчиво, чтобы нам принять на веру честность и бескорыстие Антиоха.

Мировоззрение этого византийского чиновника отвечало его практическим жизненным принципам.

⁴⁸ J. D a r g o u z è s. Deux lettres. . . [II], p. 68. 168—171; 69. 201—204. Тот же образ: M. B a c h m a n n, F. D ö l g e r. Op. cit., S. 388. 11—13.